

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 069

А.В. Киселев

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СТАТУС КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Статья обосновывает цивилизационный статус краеведческого музея, который, являясь духовным, культурным «золотым» запасом конкретного «месторазвития», обеспечивает пространственно-временное бытие локального социума с цивилизационным качеством «край».

Ключевые слова: краеведческий музей, краеведение, евразийская концепция, микро-тип цивилизации «край», ментальность «родной край».

Глобализация, стимулируя процесс всепроникающей интеграции в мире, актуализировала поликультурное пространство Российских регионов, которые, транслируя локальную специфику, выступают в качестве важнейшего фактора духовной безопасности российской цивилизации. Ибо утрата социокультурной самобытности неизбежно ведет к потере своего особого места в общемировой семье культур и цивилизаций, а в конечном счете – к существенному ослаблению экономических и геополитических позиций. Иницилируя процесс реставрации культурных традиций, глобализация отражает стремление социума сохранить свою национальную уникальность, и чем настойчивее «вызовы» современного мира, тем с большей энергией и упорством человек стремится культивировать свою культуру, язык, религию. Период глобальных трансформаций остро ставит проблему идентичности, порождая стремление к познанию своих истоков, ценностей, традиций [1. С. 170]. В контексте современных цивилизационных процессов возрастает исключительная роль краеведческого музея в российском социокультурном пространстве как действенного механизма передачи культурно-исторического наследия локального социума.

В современной системе учреждений культуры музей как социокультурный институт занимает одно из приоритетных положений, что объясняется его традиционной функцией – хранить и предоставлять обществу подлинные объекты наследия, которые транслируют актуальный цивилизационный историко-культурный опыт Отечества. За музеем закрепляется особая среди прочих учреждений культуры и искусств роль в сложном и динамичном процессе формировании национально-культурной идентичности. Меняются парадигмы культуры, музей же продолжает решать задачу инкультурации личности – приобщения человека к культурному коду современной ему культуры [1. С. 171]. «Соблюдение правил «культурного кода», сколь бы жесткими и иррациональными они ни казались стороннему наблюдателю, гарантирует индивидууму принадлежность к определенной культурной (социальной, эт-

нической, религиозной) общности, а также обеспечивает его включенность в заданный структурно-символическим кодом культуры смысловой универсум, то есть является жизненно необходимым для человека, стабилизирует его личное и социальное тождество» [2. С. 20].

На региональном уровне музей является культуро- и социообразующим ядром территориальных образований: формирует их культурную среду, приобщает граждан ко всему спектру историко-культурного наследия и нравственным ценностям предков, повышая тем самым уровень гражданской инициативы и ответственности. Региональный музейный фонд России, как отмечают авторы «Национального доклада», – это тот духовный, культурный «золотой» запас страны, который не подвержен девальвации, неисчерпаем как сама Россия и ее история, который гарантирует преемственность и непрерывность цивилизационных процессов евразийского геополитического пространства. Сохраняемый, пополняемый, изучаемый и предоставляемый музеями Музейный фонд страны – это своего рода ДНК общества, позволяющая сохранять национальную и этнокультурную идентичность, воспроизводить единство и целостность страны и нации, формировать в обществе и у каждого человека ценностные ориентиры, способность к творческому освоению мира [3. С. 62].

Смена традиционной парадигмы, связанной с монопольной деятельностью государства, новой, основанной на принципе «полисубъективности» культурной политики, создает условия для самостоятельного культурного развития региона и использования ресурсов всего регионального сообщества. Поэтому объекты историко-культурного наследия, в том числе музеи, выступают сегодня мощным ресурсом в разработке стратегии модернизации и развития региона, в воспитании молодежи в духе патриотизма. Таким образом, востребована одна из существенных черт музея – служить инструментом социальных преобразований, репрезентировать символы власти, быть «памятью власти». Отечественные музеи изначально представляли собой учреждение общенациональной значимости, поскольку через музейное пространство идея поликультурной нации, обладающей мощными историческими основаниями и богатой многовековой культурой, становилась видимой, визуализировалась и в силу этого являлась действительной для современников. Будучи маркером идентичности государства, музеи формируют адекватный позитивный образ России внутри страны и вне ее и продолжают оставаться одним из важнейших воплощений государственности, социокультурными институтами поддержания национальной идентичности [1. С. 172].

Итак, в XXI в. в условиях глобализации возрастает роль и ответственность музея как непререкаемого авторитета в деле сохранения и трансляции культурного наследия, как учреждения общенациональной значимости и неизменного атрибута суверенного государства, который призван поддерживать традиционные культурные стандарты на высоком уровне и обеспечивать преемственность гуманистических ценностей и производство мировоззренческих смыслов.

Современная сибирская историография музейного дела, как отмечает О.Н. Шелегина, располагает значительным научно-практическим потенциалом, который позволяет, во-первых, проводить междисциплинарные иссле-

дования музейной сети Сибири в исторической динамике; во-вторых, разрабатывать теоретические и конкретно-исторические проблемы, связанные с адаптационными процессами в развитии музейного дела [4. С. 48]. Комплексно и интенсивно исследуется музейная сеть региона томской школой музееведения, которая, во-первых, разработала концепцию инновационного музейного учреждения проектом постоянной экспозиции ТОКМ как краеведческого музея, полноценно встроенного в актуальные социальные процессы [5], во-вторых, активно реализуется масштабный проект «Энциклопедия музеев и музейного дела Томской области» под руководством Э.И. Черняка. Ставится цель осветить события, явления, процессы в сфере музейного дела, историю создания различных музеев, а также биографию людей, внесших существенный вклад в развитие музейного дела Томской области. Сбор необходимого информационно-аналитического материала осуществляется через издания тематических сборников по различным группам музеев (издано шесть сборников) [6]. Накопленный эмпирический музееведческий материал лег в основу диссертационных исследований С.Е. Григорьевой «История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.)» (научный руководитель д-р ист. наук, профессор Э.И. Черняк) [7]; У.В. Малахатко «Религиоведческая тематика в деятельности Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова» (научный руководитель д-р ист. наук, профессор О.М. Рындина) [8]; И.А. Сизовой «Музейная сеть Томской области: история формирования и функционирования» (научный руководитель д-р ист. наук, профессор Э.И. Черняк). И.А. Сизовой прослежен процесс создания и функционирования музейной сети, дана ее статистико-географическая характеристика, определена локальная специфика, в частности неравномерность географического размещения музеев – преимущественная концентрация музеев в Томске и недостаточное обеспечение музеями отдельных сельских районов [9].

Во втором десятилетии XXI в. на историографическом поле доминирует информационно-аналитический формат осмысления социокультурного бытия музея, реализованный в монографическом исследовании О.Н. Шелегиной, которая разработала новый адаптационный подход к изучению музейной истории и современности [10]. Адаптационный подход эффективен при анализе ретроспективной и прогностической направленности процессов и результатов адаптации музея, музейного мира к социокультурной динамике. Адаптационные процессы являются универсальными основополагающими в развитии культуры жизнеобеспечения как динамический результат взаимодействия субъектов адаптации с внешней средой направленной на создание адекватного ей образа жизни, формирование соответствующих ментальных установок, этнических констант. Социокультурная адаптация рассматривается автором как наследование и актуальное использование обычаев, норм поведения, знаний и традиций, выработанных и функционировавших в рамках соответствующих социальных институтов, реализующихся в личной и общественной жизни [11]. В соответствии с этим подходом музеи Сибири, как считает О.Н. Шелегина, являются, с одной стороны, мощным средством адаптации населения в условиях активного освоения региона, с другой – своеобразной комплексной системой,

содержащей потенциал для адаптации музейной сети к перманентным нестабильным условиям глобального мира [12].

Среди российских регионов сеть краеведческих музеев наиболее развита в Сибири. Это объясняется, во-первых, масштабностью восточного края, в процессе изучения которого исторически присутствовал дефицит интеллектуального ресурса, преодолеваемый исследованием далекой окраины через организацию местных музеев. А.И. Мартынов, характеризуя историю создания краеведческих музеев, подчеркивает одну принципиальную особенность этого процесса – «музеи возникали именно как научные центры краеведения» [13. С. 111]; во-вторых, в условиях перманентной колонизации восточной окраины краеведческий музей выступал эффективным механизмом социокультурной адаптации русского населения в новой среде, основанной на самоидентификации человека с определенной местностью в качестве своей малой родины, наделяя «нейтральный» ландшафт предметным, ясным смыслом – мое родное место. О.Н. Шелегина отмечает: «Идея создания местных музеев была популярна как в Европе, так и в России, но в Сибири в отличие от других регионов она наиболее полно воплотилась в жизнь... Условия, в которых открывались сибирские музеи, более специфичны, поскольку любовь к одному краю была здесь огромной и людям хотелось узнать о нем как можно больше» [14. С. 96–97]. Отсюда характерная черта сибирского гуманитарного поля – тесная связь музееведческой и краеведческой проблематики.

Краеведческие музеи, отмечается в музейной энциклопедии, это музеи собрания, которые документируют различные стороны жизни (природные условия, историческое развитие, экономику, быт, культуру) конкретного административно-территориального региона или населенного пункта (республика, край, округ, область, город, район, село), составляют часть его природного и культурного наследия [15. С. 298]. Краеведческий музей – это музей определенной территории, «края». Емко, лапидарно определяет краеведческий музей как «многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей» А.И. Мартынов, обозначивший проблему, которая не теряет своей актуальности, – «сформировать, исходя из отечественной практики и мирового опыта, принципиально иную концепцию краеведческого музея», решение последней находится в формате возрождения функции краеведческого музея как научного центра по одному или двум направлениям отечественной или региональной науки [13. С. 109].

Исключительным эвристическим потенциалом в изучении краеведческого музейного пространства обладает цивилизационная парадигма. «Цивилизация» – это единственная в теоретико-методологическом арсенале гуманитария категория, которая позволяет, во-первых, социокультурно осмыслить локальный объект в единстве пространственных и временных параметров, в их неразрывной связи; во-вторых, реализовать в локальном объекте антропологичность человеческой субъективности; в-третьих, раскрыть локальное ментальностью в аксиологическом контексте как результат самоидентификации. «Цивилизационная концепция соответствует требованиям постклассической науки. Неплохо вписывается в реалии полипарадигмальности эпохи постмодерна, отвечает требованиям современной эпохи по своим аксиологиче-

ским характеристикам... Концепция позволяет эффективно использовать присущие ей объясняющие и прогностические функции, в чём удовлетворяет прагматические запросы времени» [16. С. 333].

В центре цивилизационного измерения социокультурного пространства краеведческого музея (как и краеведения) находится понятие «край». Территориальная интерпретация «края» попыткой «задать границу исключает смысловое содержание, поэтому непродуктивна, зыбка и неустойчива. Лишенный внутреннего содержания, т.е. смысла, «край» превращается в неопределенную, «пустую внутри» пространственную форму, которая наполняется различными, очерченными извне территориальными единицами, как «часть страны», губерния, район, деревня, город, «место пребывания какого-то коллектива». Отсюда и проблема дефиниции, что есть «край», его граничности, предела при постоянной пульсации, пластичности самих границ. Авторская концепция состоит в осмыслении «края» в качестве предельного хорологического типа цивилизации на микроуровне (придельный хорологический тип цивилизации на макроуровне «Отечество – Россия»). Микротип российской цивилизации «край» есть способ существования смысловнесущей доминанты российского социума – Родина и как реальный исторический хронотоп (хранитель аксиологического ядра) выступает в качестве универсального кода российской цивилизации («любовь к родному краю – источник любви к Отечеству»). Концептуально микротип «край» есть материализованная геоисторическая (пространственно-временная) форма ментальности «родной край». Носителем микротипа «край» является локальная самобытная этносоциокультурная общность людей, основанная на самоидентификации с определенной территорией в качестве своей малой родины и объединенная идентичностью менталитета «родной край». Фиксируя, сохраняя и транслируя во времени смысловую доминанту (родное место – осознание места в значении малой родины), ментальность «родной край» выполняет функцию исторического сознания (единство трех модусов времени) на локальном уровне, что и обеспечивает объективное непрерывное пространственно-временное бытие местного социума с цивилизационным качеством «край». Вне процесса истории взаимосвязь поколений разрывается, что приводит к отрицанию аксиологического ядра – «малой родины» и самой цивилизации. Отсюда краеведение есть геоисторическое социокультурное самопознание родного места в преемственном пространственно-временном контексте истории в единстве трех модальностей – прошлое, настоящее, будущее. Краеведение – это история ментальности «родной край» [17].

Авторская концепция «края» как микротипа российской цивилизации в формате евразийской парадигмы обретает субстанциальное свойство (предельное основание) устойчивого, генетического ментального «кода» российского социума, который выполняет функцию культурно-нравственного, ценностного каркаса, обеспечивающего внутреннее единство полиэтнической евразийской общности. Предельный локальный уровень микротипа «край» содержательно конкретизирует и аксиологически наполняет базовую категорию евразийской цивилизационной концепции России – «месторазвитие», теоретико-познавательный потенциал которой раскрыт и обоснован в академическом творчестве «отца евразийства» П.Н. Савицкого [18]. Евразийская кон-

цепция, утверждающая особый путь развития России, разработана в 20–30-х гг. XX в. рядом отечественных мыслителей историков, философов и этнографов – в среде русской эмиграции. Создателями евразийства являются дипломат, экономист, географ, философ П.Н. Савицкий, лингвист, культуролог Н.С. Трубецкой, философ Л.П. Карсавин, историк Г.В. Вернадский, богословы А.В. Карташов и Г.В. Флоровский и др. Главным идеологом и лидером всего этого направления, «евразийцем номер 1» являлся П.Н. Савицкий. Имя Савицкого синонимично понятию евразийства. Именно ему принадлежат основные теоретико-методологические формулы и определения, ставшие руководящими принципами евразийской концепции.

Фундаментальный тезис евразийской концепции – Россия – особая цивилизация, качественно не сводимая, ни к западу, ни к востоку. Это «третий мир». Парадигма самоценности евразийской цивилизации основывается на философском постулате единства пространственно-временных социальных параметров (форма всякого бытия – пространство и время, неразрывно связанные между собой), когда исторический процесс рассматривается в пространственном контексте, на конкретной территории, с четко обозначенными природно-географическими условиями. Последние выступают в качестве объективно заданных условий, без которых, как отмечал академик М.А. Барг, ни одна из мыслимых форм организации человеческих сообществ не может обойтись. Это «точка отсчета» исторически возможного [19. С. 74]. История происходит не только во времени, но и в пространстве. Образ жизни социума нельзя понять вне характеристик занимаемой им территории. Социальные и природные факторы неотделимы друг от друга. Признанный авторитет исторической географии В.А. Муравьев подчеркивал, что пространство целно и непрерывно, как время, и может ограничивать или усиливать, усложнять, упрощать, деформировать и гасить историческое явление, т.е. пространство креативно [20. С. 33–34]. Методологически объяснять социальное только через социальное ошибочно, поскольку исключается все естественное, природное, биологическое, что чрезвычайно сужает и ограничивает возможности адекватной теоретической интерпретации жизнедеятельности общества, выступает причиной утверждения всевозможных односторонних и однобоких взглядов, концепций [21. С. 72].

Эвристичность «пространства» с качествами ландшафт, рельеф, климат раскрывается евразийским концептом «месторазвитие», который рассматривается в качестве «матрицы» народа, потенциально содержащей в себе его культурную и социально-историческую судьбу. П.Н. Савицкий, соединив пространство (место) и время (развитие) в аналитической категории «месторазвитие», методологически реализовал в цивилизационном познании России геоисторический (пространственно-временной) подход. «Месторазвитие», писал П.Н. Савицкий, категория синтетическая, обнимающая одновременно социально-историческую среду и географическую обстановку. Это синтез географических и исторических начал [22. С. 189, 191]. Отсюда эвристический потенциал онтологически-познавательной стратегии концепта «месторазвитие» – это развитие человеческого общества на определённой территории, когда народ и пространство образуют целостное единство, взаимно влияя друг на друга. Взаимодействие двух составляющих конкретного «месторазви-

тия» – природы и общества, объективных, подлинных оснований бытия российского социума и есть конечные причины исторического движения России. Сложный социоприродный процесс взаимовлияния народа и осваиваемого им ландшафта и есть «месторазвитие». Пространственно-временное единство концепта «месторазвитие» определило его познавательную универсальность, которая реализуется как на макроуровне – «Евразия» как место развития России, так и на микроуровне – «край» как предельный локальный уровень развития Отечества. Последовательно проводя геоисторический подход, лидер евразийства П.Н. Савицкий утверждал: «Каждая, хотя бы небольшая, человеческая среда находится, строго говоря, в своей и неповторимой географической обстановке. Каждый двор, каждая деревня есть «месторазвитие». Подобные меньшие месторазвития объединяются и сливаются в «месторазвития» большие. Возникает многочисленный ряд месторазвитий» [22. С. 187]. Основанная на геоисторическом подходе эпистемологическая универсальность концепта «месторазвитие» выводит евразийскую парадигму на исследовательское поле краеведческого познания. Евразийскую парадигму с отечественным краеведением методологически объединяет исходный познавательный конструкт «месторазвитие». Обозначенное теоретико-методологическое единство имело и хронологическое совпадение – 20-е гг. XX в. – расцвет как евразийского движения (центр Прага. Чехословакия благодаря президенту Томашу Масарику оказалась гостеприимным домом для русских эмигрантов [18. С. 46]), так и российского краеведческого движения по изучению родного края. Это время вошло в историю отечественного краеведения периодом «золотого десятилетия» – 1917/1918–1927/1929 гг. (определение С.О. Шмидта [23]), когда сформировались основные теоретико-методологические подходы, принципы, методические приемы и способы культурно-исторического и историко-производственного направления в познании местного края [24].

Наиболее ярко геоисторический подход в краеведческом познании проявился в творчестве И.М. Гревса, участника II–III краеведческих конференций, председателя культурно-исторической секции Ленинградского общества изучения местного края, члена Центрального бюро краеведения (ЦБК). История и география каждой местности, отмечал И.М. Гревс, представляют единство, каковы бы ни были ее размеры. Обе эти науки находятся в близком родстве. Они и в ходе работы тесно связываются друг с другом и должны систематически сотрудничать, восстанавливая отдельные синтезы (фигуры) края, страны, земли в пространстве (география) и во времени (история) [25. С. 491]. Этот синтез в локальном объекте социального пространства и социального времени, являющийся онтологически-познавательной основой как самого «краеведения», так и понятия «край», И.М. Гревс осмысливает антропологически через единство общественного индивида и конкретной территории в аксиологическом контексте. Указав на недостаточность «логического разбора слова «краеведение» для определения», И.М. Гревс применяет ценностный подход, – «под словом кроется еще особый смысл, дающий понятию специфическую окраску или тон. Именно рядом с интеллектуальным элементом (познание), – писал он, – обнаруживается еще эмоциональный. Он вырастает из образа родины, нераздельно связанного с понятием, притом родины тесной, малой. Изучение края опирается на работу местных же людей, связанных

с ним не только близкими интересами, но и любовью, ощущением кровного родства, корнящегося в предании и наследстве многих поколений, чувством нередко совсем бескорыстным, основанным на благородном инстинкте, иногда даже самоотверженным». В краеведении «присутствует и влияет, как двигатель, не одно чувство привязанности, но и крепкое сродство сына с землей своей», существует «органическая связь... между чутким человеком и землею, которая его породила и вспоила». Это «условие имеет важное значение», отмечает И.М. Гревс, поскольку «любовь... способствует знанию: только любимое можешь и хочешь хорошо, до глубины понять» [26]. И.М. Гревс сущность «края» раскрывает утверждением его аксиологического статуса, что согласуется с концепцией «края» как микротипа российской цивилизации. Свой край, малую родину (родной край) «создает пережитая и переживаемая полная («всецелая») связь человека и группы людей с данной почвою, уголком, клочком земли. Чувство родины есть духовное ощущение корней. Поэтому родина не просто природа или вообще местность (*locus*); это многими переживаниями присвоенная нами и потому многообразно одухотворенная и также многоцветно окрашенная человеком (или для человека) природа или местность; тут в ней как бы родился особый «дух» ее; человек вложил в нее себя и обратно от нее в себя много принял» [27. С. 36].

Таким образом, синтезирующая способность концепта «месторазвитие» интегрирует евразийскую парадигму как макротип России с краеведческой концепцией микротипа, образуя единую двухполюсную теоретическую систему, в которой предельное основание российского социума микротипа «край» выступает в качестве смысловой матрицы макротипа, создавая этим устойчивость и внутренне единство евразийской российской цивилизации. Поскольку основной функцией научной теории является онтологически-познавательная, имеющая цель научного познания объективного мира, то единая система онтологического знания двухполюсной евразийской российской цивилизации выступает в качестве методологической основы научно-познавательной деятельности, направленной на краеведческое изучение Отечества.

Двухполюсность евразийской российской цивилизации определила два исследовательских подхода и принципа в ее познании, во-первых, пространственно-временное единство или геоисторический подход, воспринимающий развитие на макроуровне (Россия) как результат диалектического взаимодействия социального пространства и социального времени. Средством реализации данного подхода является локальный принцип, который позволяет осуществить «стыковку» пространственно-временных социальных параметров, «увидеть» диалектическую взаимосвязь социального пространства и социального времени на микроуровне (край). Второй исследовательский подход антропологический, осмысливает социальное пространственно-временное единство как процесс творчества человеческой субъективности, результат которой проявляется в двух ипостасях: материальной – объективность «России» – «края» и идеальной – субъективность выраженная в ментальности «родной край» и «Отечество – Россия». Антропологичность раскрывается рефлексивной способностью и эмоциональностью человека на основе аксиологического принципа, который «процедурой придания смысла» определяет конкретный локальный ландшафт в значении «родное место», ментальная

проекция последнего «родной край» выполняет функцию матрицы микротипа «край». Ментальность «родной край» порождает ментальное поле «Отечество – Россия», которое материализуется в макротип, образуя евразийскую российскую цивилизацию.

Геоисторическая реальность «месторазвития» России есть результат взаимодействия человека и крайне суровых явлений природы срединного материка Евразии, определивший экстремальный социоприродный процесс становления и развития уникальной отечественной цивилизации, которая как способ бытия полиэтничного российского социума стала ответом на проблему выживания в жестких природно-климатических и геополитических условиях при постоянной потребности освоения обширного континента [28]. Экзистенциализм социоприродного процесса, на разнородных этноландшафтах с отрицательным геоклиматическим потенциалом, определил формирование базовых ценностей российского социума, среди которых в качестве сверхценности выступает «Родина». Поскольку территория, земля есть объективный фундаментальный естественный ресурс любой цивилизации, то первой и абсолютной ценностью российского социума выступило пространство Отчизны. Земля и поземельные отношения определяли социальное устройство, экономику, быт, права и в конечном итоге евразийский цивилизационный статус России. Вокруг земли вращалась вся жизнь россиян, как природный фактор она есть базовая ценность российского социума. Ее обретение, защита, обустройство, возделывание на протяжении веков являлись (и являются) основной заботой российского социума. Социоприродное бытие поликультурной евразийской целостности обусловило эмоциональную связь российского социума с землей, ее сакрализацию – мать-земля, земля-кормилица, она залог выживания. Отсюда образ русского поля, ставшего символом Русской земли, России.

Российский труженик кровью связан со своей землей, которая стоила колоссальных затрат, унесла миллионы и миллионы человеческих жизней, и он готов ее лелеять и защищать. Российский труженик и земля – единое целое, это «крепкое сродство сына с матерью-землей своей», поэтому пространство Отчизны для него – это абсолютная ценность. В современном, глобальном мире стремительно нарастают экологическая дифференциация человечества и значимость экологических «пределов роста», поэтому обильно политая кровью предков земля Отечества как традиционная, непреходящая ценность бытия российского социума остается таковой и поныне, она, как и прежде является основным условием физического выживания российского суперэтнуса [28. С. 232–233]. Первоэлементом социоприродного бытия евразийской поликультурной российской цивилизации выступает конкретное место развития локального социума. Здесь «место» обитания первично. Оно представляет собой «элементарную конкретность», непосредственное единство противоположностей – общественный индивид и местная природная среда. Субъектность места как единства человека с ландшафтом (которая отражена в народной поговорке «не место красит человека, а человек место») сформировала личностный смысл – «родное место», осознание *места* в «значении-для-меня» духовно наполнило его проникновенным чувством Родины.

Таким образом, человеческая субъективность в ландшафтно-смысловой самоидентификации качественно духовно-нравственно видоизменила евразийское «месторазвитие», образовав аксиологическое ядро местообитания – малую родину – родное место, – это «ключевое» представление, структурирующий смысл в системе мировоззренческих и ценностных ориентаций локального социума, который в результате становится «культурно-устойчивым» и единым, обретая особое качество «края» как микротипа российской цивилизации. В словаре В.И. Даля подчеркивается исключительная ценность этого социального пространства для человека – «и кости по *родине* плачут (по преданию, в некоторых могилах слышен вой костей)» [29. С. 11]. «Между Родиной и родным краем, – писал знаменитый географ, педагог и методист А.С. Барков, – существует неразрывная связь. Любовь начинается с родной местности и расширяется затем до пределов всей страны. Любовь к родному краю питает любовь к Родине» [30. С. 77]. Эту корневую первооснову российской цивилизации проникновенно выразил в стихах «ковчег русской души» А.С. Пушкин: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам. / На них основано от века, / По воле Бога самого, / Самостояние человека, / Залог величия его. / Животворящая святыня! / Земля была б без них мертва; / Без них наш тесный мир – пустыня, / Душа – алтарь без божества». Эти поэтические строфы, написанные в 1830 г. навсегда остались гениальным символом русского национального мироощущения. Здесь отраженно признание исторических и духовных основ народа, но вместе с тем и утверждение вечных ценностей – незыблемого ориентира для «самостоянья человека» [31. С. 4]. Если европейский социум любит «себя» в Родине, то российский – Родину в «себе».

Ценностное ментальное ядро российской цивилизации – «Родина» на предельном локальном уровне «месторазвития» фиксируется реальным конструктом «край», который является первичной социоприродной организационной ячейкой выживания в экстремальных условиях евразийского геоклиматического бытия. Эта коллективная, артельная жизнедеятельность локального русского социума, объединенного идентичностью менталитета «родной край», фиксируемая отечественной историей как община (дух общинности был той аурой, в которой формировалась ментальность всего русского социума [32. С. 22]), является гарантом нормального функционирования и воспроизводства местного общества, обеспечивающего не только его простое физическое выживание, но и саму жизнь в экстремальных условиях. На суровых пространствах Евразийского континента только умирают в одиночку, а выживают и встают на путь процветания только сообща [33. С. 33]. «край» – это оплот локальной сплоченности, он компенсировал слабость индивидуального, демонстрируя эффективность коллективного выживания. Коллективное бытие «края» определило приоритет нравственных начал, при которых жизнь местного общества регулируется нормами и правилами сплоченности и взаимопомощи, обусловившими беспрецедентную стойкость русского социума перед невзгодами, пренебрежение материальными благами, неприемлемость психологии крайнего индивидуализма. Нравственный императив микротипа «край», выраженный в тезисе «жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех», раскрывает сущност-

ную сторону евразийской российской цивилизации – ее этикоцентричность [34], духовно-нравственной доминантой которой в истории стала идея отдать все ради общего блага и не искать личной выгоды.

Коллективность микротипа «край» выступила в качестве стабильной модели межнационального сотрудничества, эффективной «точкой солидарности» евразийского этнокультурного многообразия. Общинная коллективная жизнедеятельность «края», с одной стороны, препятствует этнической замкнутости, «снимая» этнический барьер артельной сплоченностью, с другой – совместным трудом блокирует маргинализацию национального, проявляющуюся в ксенофобии и сепаратизме. Уникальным духовно-смысловым источником пластичного поликультурного союза «края» является его ментальная проекция «родной край», которая обладает имманентной «дуальной аксиологичностью», сочетая в себе аксиологическую силу «почвы» – родное место и аксиологическую силу родовой «крови» – этническая принадлежность. Обе ценностные ипостаси константны и находятся в органичной, паритетной гармонии – симфонии духа, поэтому ментальность «родной край» в многонациональном российском мире носит надэтнический и межэтнический характер, являясь системообразующей для генетически различных этнокультур, объединяя народы евразийского континента общей духовно-нравственной доминантой «родное место – Родина». Ментальность «родной край», выполняя функцию смысловой матрицы, порождает сверхценностью «родное место – Родина» единое эколого-социокультурное поле, которое своим аксиологическим содержанием (РОДИНА) соединяет народы Евразии в монолитный российский суперэтнос. Этнонациональная амальгама «края» – это «капля», в которую влился поликультурный «океан» единой многонациональной российской цивилизации. Гармонично-целостное и равноправное единство аксиологических сил «родовое – этничность» и «родное – отечество» в ментальности «родной край» наделяет ее носителя – «локальный этнокультурный социум» – качеством евразийской «межэтнической матрицы», которая воспроизводит консолидированную гражданскую российскую нацию – нацию соотечественников, объединенных идентичностью менталитета «Отечество – Россия». «Единая нация, – отмечает Р.Г. Абдулатипов, – это когда для граждан всех национальностей общее государство становится Отечеством» [35. С. 133].

Итак, предельным основанием евразийской российской цивилизации является микротип «край», который создает устойчивость и внутренне единство Отечества, поскольку, во-первых, выполняет функцию аксиологического стержня, проходящего сквозь социоприродную ткань России, образуя пространственно-временное смысловое единство – этикоцентричность евразийской поликультурной цивилизации; во-вторых, реализует первичную этнокультурную социализацию индивида в локальной общности; в-третьих, «край», консолидируя многонациональный евразийский мир ментальностью «родной край», формирует солидарную гражданскую российскую нацию.

В качестве эффективного способа наследования культурно-исторических ценностей местного края выступает краеведческий музей, который, воспроизводя цивилизационное качество микротипа «край», воспроизводит и макротип «Отечество – Россия», т.е. евразийскую российскую цивилизацию. От-

сюда цивилизационный статус краеведческого музея, сохраняющего и транслирующего постоянную связь между нематериальной сверхценностью – «любовь к малой родине – источник любви к Отечеству» и вполне материальным локальным социумом, что и обеспечивает историческое бытие российской цивилизации. Генерируемая краеведческим музеем фундаментальность микротипа российской цивилизации «край» составляет его культурно-историческое содержание, его духовное начало. Краеведческий музей как ДНК микротипа «край», фиксируя, сохраняя и транслируя во времени смысловую доминанту – «родное место» – осознание места в значении малой родины, обеспечивает устойчивость цивилизационного параметра «края». Ритмичная трансляция краеведческим музейным пространством ценности микротипа «край» обеспечивает непрерывность процесса цивилизационного воспроизводства макротипа «Отечество – Россия», т.е. российской цивилизации, социокультурное поле которой фиксируется в культурологическом пространстве музея. Цивилизационный статус краеведческих музеев определил, во-первых, их доминирование в музейной сети – это самая массовая группа комплексного профиля в музейной сети России (более 800); во-вторых, крайнюю востребованность в педагогической практике социокультурного пространства краеведческих музеев, местный материал которых благодаря его конкретности, наглядности и аксиологичности обладает полифункциональностью, сочетая в себе обучающие, воспитывающие и развивающие функции, что активизирует мыслительную деятельность учащихся, помогает более осознанному усвоению самых сложных тем социально-политического, экономического и культурного характера [36. С. 28].

Выполнение краеведческим музеем цивилизационной миссии зависит, во-первых, от соответствия его аксиологической системы ценностным установкам локального социума, адекватно представленного в музейном пространстве; во-вторых, от актуализации исторического потенциала музейного пространства как аутентичного первоисточника местной истории, являющейся подлинным знанием, которое обладает информационным магнетизмом и полноценной энергетикой познания. Хронологическая последовательность композиционных схем музейной экспозиции, отражая преемственный пространственно-временной контекст локальной истории – единство ее трех модусов – прошлое, настоящее, будущее, воссоздает местное время длительной протяженности, которое не только обеспечивает, но и создает саму ритмичность культурной передачи аксиологического ядра – родное место – осознание места в значении малой родины. Исполняя роль архива времени, краеведческий музей реализует преемственность социокультурного опыта между поколениями, связывая прошлое с будущим через интерпретацию в настоящем. Аксиологическое пространство краеведческого музея «родной край» – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, мост, ведущий местный социум из прошлого в будущее.

Литература

1. Ляшко А.В. Музейный проект как опыт идентичности: образ России в мировом культурном пространстве // Культура России: информ.-аналит. сб. 2011. Образ России в меняющемся мире. М., 2011. 575 с.

2. Калугина Т.П. Художественный музей как феномен культуры. СПб.: Петрополис, 2001. 224 с.
3. Музеи России на рубеже тысячелетия: Нац. докл. / Союз музеев России. СПб., 2011. 88 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://souzmuseum.files.wordpress.com/2012/03/d0bdd0b0d186d0b4d0bed0bad0bbd0b0d0b42011.pdf> (дата обращения: 12.02.2014).
4. Шелегина О.Н. Музеи Сибири: Очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. 244 с.
5. Загоскин Д.В. Опыт и перспективы комплексного развития музейного дела в формате регионального музейного учреждения (на примере Томского областного краеведческого музея 2000–2005 гг.) / Д.В. Загоскин, Э.И. Черняк. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/01/image/121-131.pdf> (дата обращения: 12.02.2014).
6. Томские музеи. Музеи Северска : материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / под ред. Э.И. Черняка; ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Научно-образовательный центр «Музей и культурное наследие». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 219 с.
7. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 28 с.
8. Малахатко У.В. Религиоведческая тематика в деятельности Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011. 24 с.
9. Сизова И.А. Музейная сеть Томской области: история формирования и функционирования (середина 1940-х – 2011 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 24 с.
10. Шелегина О.Н. История и современные тенденции в развитии музейного мира Сибири (адаптационный подход): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2012. 46 с.
11. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения наследия Сибири: результаты научных исследований и музейная практика // Музей и наука : к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемер. гос. ун-та : материалы Междунар. науч. конф. Кемерово, 10–12 ноября 2011 г. Кемерово, 2011. С. 96–102.
12. Шелегина О.Н. Музейная сеть Сибирского региона: процессы формирования и адаптации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2011. № 344. С. 103–110.
13. Мартынов А.И. Краеведческий музей как научный центр региона // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков: тр. Гос. ист. музея. М., 2001. Вып. 127. С. 109–117.
14. Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в.: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. Вып. 2. 160 с.
15. Российская музейная энциклопедия / Российский институт культурологии МК РФ и РАН. М., 2005. 845 с.
16. Сергеева О.А. Теоретические модели цивилизационной концепции: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2002. 361 с.
17. Киселев А.В. Цивилизационная объяснительная модель концепта «край» – «краеведение» // Вестн. Кемер. гос. ун-та культуры и искусств. 2011. № 15. С. 85–96.
18. Полухин А.Н. Историческая концепция П.Н. Савицкого : теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007. 237 с.
19. Барг М.А. Категория «цивилизация» как метод сравнительного исследования (Человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 5. С. 70–86.
20. Казаков Р.Б. Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания / Р.Б. Казаков, С.И.Маловичко, М.Ф. Румянцев // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII Междунар. науч. конф., Москва, 27–29 января 2011 г. / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2011. С. 31–45.
21. Кирвель Ч.С. Природные факторы и «власть пространства» в жизнедеятельности общества // Социология. 2009. № 3. С. 69–85.
22. Континент Евразия / сост., авт. послесл. А.Г. Дугин. М.: Аграф, 1997. 461 с. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/savitskiy_petr/kontinent_evraziya.html (дата обращения: 12.02.2014).
23. Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество: краевед. альм. 1990. № 1. С. 11–27.
24. Киселев А.В. Опыт историко-краеведческого исследования населенных пунктов. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2002. 221 с.

25. Гревс И.М. История в краеведении // Краеведение. 1926. № 4. С. 487–508.
26. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН) Ф. 726. Оп.1. Ед. хр. 178. Рук. И.М. Гревса «Развитие культуры в краеведческом исследовании». Л. 3–20.
27. Гревс И.М. Краеведение в современной германской школе. Л.: Брокгауз–Ефрон, 1926. 78 с.
28. Олейников Ю.В. Природный фактор бытия российского социума. М.: ИФРАН, 2003. 258 с.
29. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 14. 683 с.
30. Барков А.С. О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии: (Избр. тр.). М., 1961. 263 с.
31. Боханов А.Н. А.С. Пушкин и национально-государственная самоидентификация России // Отечественная история. 2002. № 5. С. 3–16.
32. Данилова Л.В. Крестьянская ментальность и община / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. науч. конф. /отв. ред. В.П. Данилов, Л.В. Милов. М., 1996. С. 22–39.
33. Иванов А.В., Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. Барнаул, 2007. 243 с.
34. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире // История России: Теоретические проблемы. Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А.С. Сеньяевский. М., 2002. Вып. 1. С. 222–239.
35. Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М.: Науч. кн., 2005. 472 с.
36. Кацюба Д.В. Историческое краеведение в школе и в вузе. Кемерово, 1994. 336 с.

Kiselev Alexander V. Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: graf-kiselev@yandex.ru **CIVILIZATIONAL STATUS OF LOCAL HISTORY MUSEUM**

Key words: museum, local history, Eurasian conception of the micro-type of civilization "homeland," "homeland" mentality.

The article establishes the civilizational status of a local museum, which as a spiritual, cultural, "gold" supply of a specific "development location" provides a spatio-temporal existence of the local society with civilizational "homeland" quality.

Synthesizing the museological experience and local reflection with heuristic potential of the Eurasian paradigm, the article substantiates a civilizational status of a local museum.

The Network of local museums, actualized by globalization, is mostly developed in Siberian region, provided strong scientific reflection of Tomsk museology school and new adaptive approach to monographic studies of O.N. Shelegina, Dr. of Historical Sciences.

Civilizational paradigm of a local museum, actualizes the "Region" concept, which mental projection "homeland" asserts its essential axiological status. The carrier of a micro-type of the Russian civilization "Region" is local society, united by identity of "homeland" mentality, which provides historic being of the micro-type "Region." Therefore, "Region" is a way of making sense dominant of the Russian society, Homeland, and as a real historical chronotope acts as a universal code of the Russian civilization.

In the format of the Eurasian paradigm, the "Region" micro- concept finds substantial specifics and axiologically fills basic category of the Eurasian concept for Russia, "topogenesis." Spatio-temporal unity of the "topogenesis" concept integrates theoretically and methodologically the Eurasian paradigm with domestic regional studies, combining their research fields.

"Regions" form Eurasian stability of the society, fulfilling the function of an axiological rod for the Russian civilization, realizing the socialization of the individual in the local community and acting as a Eurasian "inter-ethnic matrix" generating the civic Russian nation.

A local museum serves as an effective way of inheriting the values of the local region, which, reproducing the quality of micro-civilization such as "Region," reproduces a macro-type of the Russian civilization. Hence the civilizational status of a local museum as the DNA of the "Region" micro-type.

A local museum's civilizational mission depends on relevance of its axiological system of local society value settings and historical potential actualization as the primary source of authentic local history.

References

1. *Lyashko A.V.* Muzejnyj proekt kak opyt identichnosti: obraz Rossii v mirovom kul'turnom prostranstve // Kul'tura Rossii: inform.-analit. sb., 2011. Obraz Rossii v menyayushchemsya mire. M., 2011. 575 s.
2. *Kalugina T.P.* Hudozhestvennyj muzej kak fenomen kul'tury. SPb.: Petropolis, 2001. 224 s.
3. *Muzei Rossii na rubezhe tysyacheletiya*: Nac. dokl. / Soyuz muzeev Rossii. SPb., 2011. 88 s. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://souzmuseum.files.wordpress.com/2012/03/d0bdd0b0d186d0b4d0bed0bad0bbd0b0d0b42011.pdf> (data obrascheniya: 12.02.2014).
4. *Shelegina O.N.* Muzei Sibiri: Ocherki sozdaniya, razvitiya, adaptacii. Novosibirsk, 2010. 244 s.
5. *Zagoskin D.V.* Opyt i perspektivy kompleksnogo razvitiya muzejnogo dela v formate regional'nogo muzejnogo uchrezhdeniya (na primere Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya 2000–2005 gg.) / D.V. Zagoskin, E.I. Chernyak. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/his/01/image/121-131.pdf> (data obrascheniya: 12.02.2014).
6. *Tomskie muzei. Muzei Severska*: materialy k `enciklopedii «Muzei i muzejnoe delo Tomskoj oblasti» / pod red. E.I. Chernyaka; FGBOU VPO «Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet», Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Muzej i kul'turnoe nasledstvo». Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2012. 219 s.
7. *Grigor'eva S.E.* Istoriya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (1920–2000-e gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011. 28 s.
8. *Malahat'ko U.V.* Religiovedcheskaya tematika v deyatel'nosti Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. M.B. Shatilova: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2011. 24 s.
9. *Sizova I.A.* Muzejnaya set' Tomskoj oblasti: istoriya formirovaniya i funkcionirovaniya (seredina 1940-h – 2011 g.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2012. 24 s.
10. *Shelegina O.N.* Istoriya i sovremennye tendencii v razvitii muzejnogo mira Sibiri (adaptacionnyj podhod): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 2012. 46 s.
11. *Shelegina O.N.* Adaptacionnye processy v kul'ture zhizneobespecheniya naslediya Sibiri: rezul'taty nauchnyh issledovanij i muzejnaya praktika // Muzej i nauka: k 35-letiyu muzeya «Arheologiya, `etnografiya i `ekologiya Sibiri» Kem. gos. un-ta: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Kemerovo, 10–12 noyabrya 2011 g. Kemerovo, 2011. S. 96–102.
12. *Shelegina O.N.* Muzejnaya set' Sibirskogo regiona: processy formirovaniya i adaptacii // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2011. № 344. S. 103–110.
13. *Martynov A.I.* Kraevedcheskij muzej kak nauchnyj centr regiona // Teoriya i praktika muzejnogo dela v Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: tr. Gos. ist. muzeya. M., 2001. Vyp. 127. S. 109–117.
14. *Shelegina O.N.* Adaptaciya russkogo naseleniya v usloviyah osvoeniya Sibiri. Sociokul'turnye aspekty. XVIII – nachalo XX v.: ucheb. posobie. M.: Logos, 2001. Vyp. 2. 160 s.
15. *Rossijskaya muzejnaya `enciklopediya* / Rossijskij institut kul'turologii MK RF i RAN. M., 2005. 845 s.
16. *Sergeeva O.A.* Teoreticheskie modeli civilizacionnoj koncepcii: dis. ... d-ra filos. nauk. M., 2002. 361 s.
17. *Kiselev A.V.* Civilizacionnaya ob`yasnitel'naya model' koncepta «kraj» – «kraevedenie» // Vestn. Kem. gos. un-ta kul'tury i iskusstv. 2011. № 15. S. 85–96.
18. *Poluhin A.N.* Istoricheskaya koncepciya P.N. Savickogo: teoretiko-metodologicheskij aspekt: dis. ... kand. ist. Tomsk, 2007. 237 s.
19. *Barg M.A.* Kategoriya «civilizaciya» kak metod sravnitel'nogo issledovaniya (Chelovecheskoe izmerenie) // Istoriya SSSR. 1991. № 5. S. 70–86.
20. *Kazakov R.B.* Istoricheskaya geografiya v prostranstve sovremennogo gumanitarnogo znaniya: ot vspomogatel'noj discipliny k metodu gumanitarnogo poznaniya / R.B. Kazakov, S.I. Malovichko, M.F. Rumyancheva // Istoricheskaya geografiya: prostranstvo cheloveka vs chelovek v prostranstve: materialy XXIII Mezhdunar. nauch. konf., Moskva, 27–29 yanvarya 2011 g. / otv. red. M.F. Rumyancheva. M.: RGGU, 2011. S. 31–45.
21. *Kirvel' Ch.S.* Prirodnye faktory i «vlast' prostranstva» v zhiznedeyatel'nosti obschestva // Sociologiya. 2009. № 3. S. 69–85.
22. *Kontinent Evraziya* / sost., avt. poslesl. A.G. Dugin. M.: Agraf, 1997. 461 s. [Elektronnyj resurs]. URL: http://royallib.ru/book/savitskiy_petr/kontinent_evraziya.html (data obrascheniya: 12.02.2014).
23. *Shmidt S.O.* «Zolotoe desyatiletie» sovetskogo kraevedeniya // Otechestvo: kraeved. al'm. 1990. № 1. S. 11–27.

24. Kiselev A.V. Opyt istoriko-kraevedcheskogo issledovaniya naselennykh punktov. Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO, 2002. 221 s.
25. Greys I.M. Istoriya v kraevedenii // Kraevedenie. 1926. № 4. S. 487-508.
26. Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN (PFA RAN) F. 726. Op.1. Ed. hr. 178. Rukopis' I.M. Greysa «Razvitie kul'tury v kraevedcheskom issledovanii». L. 3-20.
27. Greys I.M. Kraevedenie v sovremennoj germanskoj shkole. L.: Brokgauz-Efron, 1926. 78 s.
28. Olejnikov Yu.V. Prirodnyj faktor bytiya rossijskogo sociuma. M.: IFRAN, 2003. 258 s.
29. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka. SPb.; M., 1882. T. 14. 683 s.
30. Barkov A.S. O nauchnom kraevedenii // Voprosy metodiki i istorii geografii: (Izbr. tr.). M., 1961. 263 s.
31. Bohanov A.N. A.S. Pushkin i nacional'no-gosudarstvennaya samoidentifikaciya Rossii // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 5. S. 3–16.
32. Danilova L.V. Krest'yanskaya mental'nost' i obschina / L.V. Danilova, V.P. Danilov // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.): materialy Mezhdunar. nauch. konf. /otv. red.: V.P. Danilov, L.V. Milov. M., 1996. S. 22–39.
33. Ivanov A.V.. Evrazijskvo : klyuchevye idei, cennosti, politicheskie priority / A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, E.A. Tyugashev, M.Yu. Shishin. Barnaul, 2007. 243 s.
34. Panarin A.S. Pravoslavnaya civilizaciya v global'nom mire // Istoriya Rossii: Teoreticheskie problemy. Rossijskaya civilizaciya: Opyt istoricheskogo i mezhdisciplinarnogo izucheniya / otv. red. A.S. Senyavskij. M., 2002. Vyp. 1. S. 222–239.
35. Abdulatipov R.G. Rossijskaya naciya ('etnonacional'naya i grazhdanskaya identichnost' rossiyan v sovremennykh usloviyah). M.: Nauch. kn., 2005. 472 s.
36. Kacyuba D.V. Istorieskoe kraevedenie v shkole i v vuze. Kemerovo, 1994. 336 s.